

Столица, Юньлин, поместье Дунлу.

В комнате отдыха на втором этаже тиканье старинных часов в оглушительной тишине казалось невыносимо громким.

Тун Чжао сидел неподвижно уже почти полчаса, но плотно закрытая дверь так и не открылась.

Жених всё не шёл.

Тун Чжао отвел взгляд и глубоко вздохнул.

Сегодня был день его помолвки.

За дверью, в банкетном зале, сияли огни. Звон бокалов сливался с мелодиями симфонического оркестра, легкое вино плескалось в руках гостей, а в воздухе витали лицемерие и подбострастие — всё было пропитано роскошью и распушенностью.

Помолвка двух влиятельных семей, Чжоу и Цинь, была обставлена с невероятным размахом. Почти вся знать Юньлина явилась на торжество — не ради поздравлений, а ради светских связей.

Ну и, конечно, ради сплетен. Круг богачей был тесен, и еще несколько дней назад поползли слухи: семья Цинь признала внебрачного сына-омегу и собирается выдать его замуж за наследника семьи Чжоу.

Этим внебрачным сыном был Тун Чжао.

Три месяца назад его младший брат по отцу, Цинь Чун, забрал его с банкета по случаю окончания съемок и привез в дом Цинь. Там он впервые встретил человека, который должен был быть его отцом — Цинь Даошэна, отсутствовавшего в его жизни более двадцати лет.

Не успели они поиграть в любящих родственников и нескольких дней, как Цинь Даошэн показал свое истинное лицо, устроив этот брак.

— Сяо Чжао, тебе повезло больше, чем твоей матери. Семья Чжоу — отличная партия, — Цинь Даошэн с деланной отеческой нежностью похлопал его по плечу. — С сегодняшнего дня сменишь фамилию на Цинь. Раз уж вернулся в семью, нечего омеге позориться на публике. Постарайся поскорее родить наследника семье Чжоу. Это поместье я подарю тебе в качестве приданого. Веди себя достойно, и семья Цинь тебя не обидит.

Тон Цинь Даошэна был высокомерным, а взгляд, брошенный искоса, напоминал не отношение к равному человеку, а оценку товара, который вот-вот будет продан.

Тун Чжао, будучи этим самым товаром, прекрасно понимал: у него нет ни малейшего шанса на сопротивление. Ни семья Чжоу, ни семья Цинь не были теми, с кем мог тягаться простой актер.

К тому же, однажды он уже получил горький урок...

При воспоминании об определенных фрагментах прошлого Тун Чжао вздрогнул. Его ресницы дрогнули, и, подняв глаза, он вымученно улыбнулся:

— Хорошо, отец.

В молодости Цинь Даошэн был весьма любвеобилен, и внебрачных детей, официально признанных семьей, было не счесть. Однако тех, кого он действительно растил, можно было пересчитать по пальцам — все они были альфами, отобранными для того, чтобы стать опорой единственному законному наследнику, Цинь Сьюаню.

Омегу семья Цинь признала впервые.

Сопоставив факты за последние месяцы, Тун Чжао догадался: скорее всего, единственный младший омега семьи Цинь просто не хотел вступать в этот брак и придумал такой выход.

Семья Цинь его баловала, так что они легко согласились на эту замену. Тун Чжао горько усмехнулся: с самого начала никто не интересовался его мнением.

Впрочем, у Тун Чжао не было других достоинств, кроме умения приспосабливаться и психологической устойчивости.

Он с подростковых лет пробивался в жизни сам. Упрямство и гордость были стерты годами нелегкой актерской карьеры. Зависимость от чужой милости, борьба за выживание в узких щелях — никто его этому не учил, он сам вывел эти законы выживания, набивая шишки.

Тун Чжао утешал себя тем, что выход найдется — ведь до сих пор, когда он чувствовал, что оказался в тупике, кто-то всегда протягивал ему руку помощи.

В детстве помогали добрые соседи, позже — незнакомец, которого он когда-то спас, оплатил его обучение. Затем режиссер с наметанным глазом приметил его красивое лицо, унаследованное от матери, и открыл ему двери в шоу-бизнес.

Хотя из-за этого же лица ему приходилось терпеть козни и грязные слухи, он каждый раз выходил сухим из воды.

Столько лет он справлялся, нет причин проиграть теперь, когда дело касается этого

никчемного отца. С этой мыслью Тун Чжао немного приободрился и потрогал в кармане сложенную бумажку.

От тепла его пальцев записка стала почти горячей. У него появилось странное предчувствие: возможно, этот жених, с которым он еще не виделся, станет для него началом перемен.

Полчаса назад.

Впервые оказавшись на столь элитном мероприятии, Тун Чжао чувствовал себя чужаком.

Он следовал за Цинь Даошэном, принимая на себя недружелюбные взгляды, и украдкой наблюдал за старшим братом, Цинь Сыюанем, которого видел впервые за три месяца.

Внешность Цинь Сыюаня не была примечательной, но он обладал исключительной аурой. Каждое его движение источало строгость и дисциплину. Больше всего поражали его глаза с неживым блеском — без единой эмоции. Если бы Тун Чжао пришлось подбирать сравнение, он бы сказал, что этот человек похож на искусственный интеллект.

Заметив взгляд Тун Чжао, Цинь Сыюань равнодушно скользнул по нему глазами и промолчал.

Тун Чжао благоразумно отвел взгляд.

Цинь Чуна сегодня не было — видимо, семья Цинь посчитала, что и так совершила сомнительную замену, и присутствие еще одного человека на помолвке вызовет лишние толки.

Тун Чжао вдруг позавидовал Цинь Чуну. Когда речь идет о браке, сказать нет и не выйти замуж — такой роскошью обладают немногие.

Но правда была несколько иной. Цинь Чун действительно предложил признать Тун Чжао, но окончательное решение принял Цинь Сыюань.

Сыюань знал, что младший брат не хочет выходить за Шань Суна. Причина была проста: истинным наследником семьи Чжоу был младший сын от мачехи, Чжоу Синьлинь, а старший сын от первой жены, Шань Сун, имел лишь титул, в то время как реальная власть оставалась в руках отца.

Поэтому, когда Цинь Чун пришел к старшему брату и сказал, что может в течение трех месяцев убедить Гэн Кэли сделать предложение семье Цинь, и попросил помочь уговорить отца, Цинь Сыюань быстро взвесил все за и против.

В отличие от Шань Суна, младший сын семьи Гэн, Гэн Кэли, был всеобщим любимцем.

Ему позволяли практически всё. Даже когда он упрямо решил податься в шоу-бизнес, семья поддержала его всеми силами.

Гэн Кэли дебютировал триумфально, в юном возрасте став трижды обладателем премии за лучшую мужскую роль. Его шутки в сети о том, что если он уйдет из кино, то вернется управлять семейным бизнесом, оказались правдой.

И то, что семья Цинь позволила Цинь Чуну пойти в индустрию развлечений, во многом объяснялось именно этим расчетом.

Если Цинь Чун сможет покорить Гэн Кэли, семья Цинь породнится сразу с двумя влиятельными кланами, что принесет им огромную выгоду.

Приняв решение, Цинь Сыюань действовал с поразительной эффективностью: не прошло и трех дней, как досье Тун Чжао и результаты теста ДНК лежали на столе в кабинете Цинь Даошэна.

Даошэн всегда прислушивался к мнению старшего сына, и всё было решено в паре фраз.

Смешно сказать, но Цинь Даошэн даже не помнил имени матери Тун Чжао. Увидев тонкую стопку фотографий, напечатанных на принтере, он лишь с притворным вздохом изобразил удивление.

Тун Чжао был сиротой, без привязанностей. Цинь Сыюань нашел адрес старого дома бабушки Тун Чжао и, узнав, что там скоро начнутся снос и реконструкция, решил использовать это как рычаг давления.

Он не ожидал, что Тун Чжао согласится так легко, сделав все их сложные интриги бессмысленными.

Цинь Даошэн лишь усмехнулся про себя: типичный выходец из низов, как только учуял выгоду, сразу потянулся в высшее общество — никакой гордости.

Тун Чжао не знал о презрении отца и брата, он как раз беседовал с мужчиной, который сам подошел к нему.

Тот был в безупречном костюме, вежлив и обходителен — в отличие от остальных, кто улыбался ему в лицо, а за спиной ждал, когда он оступится.

Но в середине разговора мужчина, делая вид, что ставит бокал, наклонился ближе и левой

рукой украдкой сунул ему... записку?

Это же помолвка семей Чжоу и Цинь! Он что, сумасшедший?

Тун Чжао нахмурился, отступил, но, подняв глаза, увидел, что мужчина совершенно спокоен.

— Прошу прощения, — извинился незнакомец, залпом допил остатки вина и снова выразительным взглядом указал на записку в руке Тун Чжао.

Тун Чжао опустил глаза, сохраняя невозмутимый вид. Он извинился перед Цинь Даошэном и направился в уборную, чтобы развернуть послание.

«Жду тебя в предпоследней комнате в коридоре на третьем этаже. — Шань Сун»

Почерк был резким, уверенным, буквы буквально прорезали бумагу — даже в тексте чувствовалась какая-то угроза.

— Шань Сун... — прошептал Тун Чжао.

Кстати, а где его жених? Неужели он до сих пор не появился?

Тун Чжао думал, что ему придется проходить через весь этот фарс в одиночку.

Хотя, с другой стороны, это ведь дело двух семей. Даже если им плевать на него, они не могут не проявить уважения к семье Цинь.

Но... записка? Какой старомодный метод. К тому же, этот шпионский стиль в духе встреч агентов выглядел так...

Тун Чжао был в замешательстве, но вместе с тем почувствовал странное облегчение. Сложив записку и спрятав её в карман, он направился к лестнице на третий этаж.

<http://bllate.org/book/20016/1975112>